

Леонид Терещенков

Дружба: очерки по теории практик. Сборник статей / Науч. ред. О.В. Хархордин. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 456 с. ISBN 978-5-9438-0085-6.

Леонид Терещенков. Адрес для переписки: пр. Ленина, 33б, кв. 14, Петрозаводск, 185035, Россия. tereshenkovster@gmail.com.

Рецензируемый сборник стал итоговой публикацией изысканий, осуществленных в рамках большого проекта. Его участники подчеркивают, что проведенные исследования являются первой попыткой проанализировать феномен дружбы в современной России с точки зрения ее политического потенциала. Общей установкой для всех авторов сборника стало наблюдение, что «...дружба, будучи широко распространенным и хорошо знакомым всем и каждому в России феноменом, где налицо благожелательность и взаимопомощь в отношениях между людьми, могла бы стать полезным ресурсом для становления гражданского общества» (с. 11).

В рамках подхода, заявленного в заглавии книги, предполагается, что социальная реальность должна объясняться в терминах повседневных практик. Эмпирические же исследования необходимо сфокусировать на детальном описании и анализе образа действия, процедур, практических приемов и неявных предрасудков участников социальных взаимодействий.

Открывает сборник статья Олега Хархордина «Дружба: классическая теория и современные заботы». Центральным в статье является положение о том, что дружба имеет в себе потенцию к тому, чтобы стать пружиной конструирования политических установлений. Хархордин пишет об избирательности и эксклюзивности дружбы в современной России как о препятствии на пути конвертации дружеских отношений в гражданские. Противоречие можно разрешить, обратившись к историческим примерам, изначально – к опыту античной полисной демократии. Дружба, как это показывается в античной философской литературе (прежде всего – у Аристотеля), может связывать и тысячи людей. Такая постановка проблемы, по мнению автора, открыта критике с позиций двух различных подходов. Во-первых, Ханна Арендт, подобно досократикам, делала акцент на агонистическом, соревновательном и диалогическом, а не на консенсусном характере античной дружбы и античной политики. Во-вторых, в традиции, восходящей к работам Жака Деррида и Мориса Бланшо, принято особо указывать на принципиальную невзаимность дружбы, а следовательно, на несимметричность дружеских и возможных политических связей. Впрочем, готовых рецептов для решения российских проблем Хархордин не предлагает.

В статье «Градации близости в современной российской дружбе», написанной в соавторстве с Анной Ковалевой, Хархордин рассматривает данную проблему на эмпирическом материале. В ходе полевого социологического исследования

был подготовлен корпус материалов, включающий 18 полуструктурированных интервью с петербуржцами (как с мужчинами, так и с женщинами) 19–29 лет, имеющими разный уровень образования. По мнению Ковалевой и Хархордина, дружба может быть изучена, прежде всего, на примере поломок дружеских отношений. Например, когда растет напряжение в отношениях между друзьями, но еще нет разрыва, или когда друзья вообще перестают общаться после конфликтов по поводу общих или одолженных друг другу на время вещей. Следуя постулатам теории практик, необходимо обращать внимание на ситуации, когда обычно не замечаемые черты изучаемого феномена становились бы очевидными. Российская дружба, как считают авторы, функционирует на основе взаимного активного забывания. Когда же друзья начинают вести счет взаимных обид и одолжений, дружба сходит на нет. На наш взгляд, в статье остался не до конца проясненным вопрос, как связаны эти поломки дружбы с ее предполагаемым потенциалом для построения гражданского общества, и то, каким образом на основе интервью с молодежью можно сделать подобные выводы.

Другая участница проекта Капитолина Федорова в своей статье «Разговоры друзей, разговоры о друзьях, разговоры о дружбе» отмечает, что большое значение для исследования феномена дружбы в российском обществе имеет анализ языковой составляющей. Эта составляющая включает не только особенности лексической и грамматической систем языка, но и прагматику использования соответствующих языковых единиц, то есть привычные употребления и набор речевых жанров, в которых они функционируют – то, что можно было бы назвать речевой практикой данной эпохи существования общества. В качестве материала для анализа использовались две основные группы источников. Во-первых, фрагменты текстов самых разнообразных речевых жанров (газетные статьи, письма, бытовые разговоры, открытки), содержащиеся в «Национальном корпусе русского языка». Во-вторых, тексты интервью, собиравшиеся разными исследователями в рамках нескольких научных проектов. На основе проведенного анализа дискурсивных практик автор приходит к выводу, что дружба в современном российском контексте не тематизируется, а обращения типа «дорогой друг» используются исключительно как приемы, работающие на повышение градуса патетики в риторической практике.

Статья Бориса Гладарева «Социологический анализ дружбы: перспектива сетевого подхода» состоит из двух частей. Первая часть посвящена анализу общей композиции и выделению основных сегментов социальных сетей молодых людей, проживающих в Петербурге. Затем внимание фокусируется на практиках повседневной коммуникации в сетях информантов и выделяются специфические особенности взаимодействия с различными сегментами социальных сетей. Задача первой части статьи состоит в разрешении вопроса, чем дружеский сегмент социальной сети отличается от других сегментов, выделенных информантами. Вторая часть статьи посвящена глубинному анализу практик взаимодействия в дружеском сегменте социальных сетей петербургской молодежи. Основываясь на подходе, сформулированном в работах Бруно Латура, автор включил в социальное взаимодействие вещи и попытался рассмотреть на примере дружеских сетей, как

функционируют гетерогенные сети людей и вещей. Анализ материала в статье оставил за скобками много различных аспектов производства дружбы, которые требуют более детального изучения.

В своей статье «История понятия “дружба” – от Древней Руси до XVIII века» Дмитрий Калугин анализирует общие места дискурса о дружбе, то есть наиболее концентрированные формы человеческого опыта, где кристаллизуются этические диспозиции и представления о благе. Автор проанализировал представления о дружбе, которые складывались в русской культуре на протяжении почти шести столетий – с появления древнерусской письменности и вплоть до эпохи сентиментализма. В эту эпоху уже сформировались представления о дружбе как психологическом феномене со всем набором общих мест и концепций, которые его обслуживают и в настоящее время. В результате автор приходит к выводу, что дружба в современном ее понимании появилась в конце XVIII века вместе с модой на романтизм и масонство. Дружили элитарные группы: салоны, демократические кружки. Дружба в России всегда была элитарной практикой – крестьяне не дружили. Этот вывод заостряет проблемность попыток конвертации дружеских отношений в гражданскую солидарность.

Статья Евгения Рощина «Понятие “дружба” в контексте международных отношений» выводит изучение дружбы с индивидуального уровня на уровень государства и межгосударственных связей. Труды античных историков демонстрируют, как это понятие используется в римской имперской политике. По сути, оно становится ключевым в поддержании международного политико-юридического порядка. В средние века дружба уходит на периферию европейского политико-религиозного уклада. Однако уже в эпоху Возрождения отмечается распространение этого понятия в договорах европейских государей. В раннее Новое время дружба становится одним из основных понятий новой международной системы, основанной на суверенитете участников. Вестфальский мир и все основные договоры последующих полутора столетий содержат ссылки на дружбу. Дружба опосредует формирование нового политического порядка и актуализируется каждый раз, когда принципы существования этого порядка проверяются в войне европейских государей. Государство или правительство становятся субъектами дружбы лишь к концу XVIII – началу XIX века. Суверенные правители, а позднее – государства, заключая договоры «о дружбе», по своей воле включали в них свои территории и народы. Поэтому «дружба народов» является скорее инструментом внутренней имперской политики, а не самостоятельным понятием в международной сфере.

В итоге проведенного коллективного исследования дружба была переосмыслена как чрезвычайно широкая метафора. Связь дружбы и гражданского общества, к отысканию которой стремились приступить авторы во введении, осталась не раскрытой очевидным образом. Механика связи «дружба – ресурс гражданского общества» не прослеживается со всей полнотой. Нам представляется, что дальнейшая разработка тематики дружбы в социальных исследованиях прояснит обозначенные белые пятна рецензируемой книги.